

Рец. на кн.: Демин, А. В. Общая теория налогово-правовых норм [Текст] : монография / А. В. Демин. – М. : РИОР : ИНФРА-М, 2012. – 266 с. – (Научная мысль).

Монография Александра Васильевича Демина, кандидата юридических наук, доцента кафедры коммерческого, предпринимательского и финансового права ЮИ ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет», посвящена общей теории норм налогового права. Актуальность исследования обосновывается в книге тем, что становление налогового права в качестве самостоятельной отрасли права немислимо без доктринально разработанной *общей части*, категориального аппарата, где одно из первых мест занимает учение о нормах [6, с. 4]. Вероятно, чтобы «осознать себя» в качестве отрасли права, налоговое право нуждается в собственной теории. И в этой связи вполне понятно, *зачем теория правовых норм нужна налоговому праву*. Однако открытым остается вопрос о том, *добавляет ли что-то теория налогово-правовых норм общей теории права?* Позволяет ли она, в частности, выявить какую-то специфику норм налогового права, черты, отличающие их от предписаний других отраслей по формальным, содержательным, структурным, классификационным признакам? Дает ли это основания для каких-либо общетеоретических выводов? Если подобных оснований обнаружить не удастся, то значение любой отраслевой теории, включая теорию норм налогового права, неизбежно сводится к простому преломлению в отраслевой науке общетеоретических положений. Именно с этих позиций нами была прочитана книга А.В. Демина.

Структура исследования строится в направлении от общей характеристики налогово-правовой нормы как юридической категории к ее классификации и характеристике отдельных видов норм налогового права.

Вполне логично начиная с анализа признаков налогово-правовой нормы, исследователь выделяет в качестве таковых нормативность (модельность), взаимосвязь с государством, волевой характер, общеобязательность, формальную определенность, государственную защиту [6, с. 20–35]. Предложенный набор признаков позволяет сделать вывод о такой черте налогово-правовых норм, как *публичность* (в четырех из шести признаков «звучит» государство). Ни одно из этих положений не вызывает особых дискуссий, хотя стоит признать, что и сами признаки, и вытекающее из них свойство норм налогового права довольно традиционны и вполне укладываются в общетеоретические положения о признаках правовых норм и особенностях норм публично-правовых отраслей.

Дополняет общую характеристику налогово-правовой нормы указание на ее связь с налоговым правоотношением. К признакам последнего автор относит: публично-правовую природу, конфликтность, правовое оформление, атрибутивное участие государства в лице властных субъектов налогового права, властный субординационный характер налоговых отношений [там же, с. 68]. Обуславливающая эти признаки *публично-правовая природа* налогового права подвергается в работе глубокому анализу, апеллирующему к положениям отечественной и зарубежной теории налогового права, к правовым позициям Конституционного суда и материалам правоприменительной практики [там же, с. 68–77]. При этом исследователь уделяет особое внимание про-

блеме соблюдения разумного баланса между публичными и частными интересами, а также сочетанию в норме налогового права объективного и субъективного начал. Сформулированные в свое время Е.А. Лукашевой применительно ко всем социальным нормам идеи о единстве объективного и субъективного в нормативных системах [7, с. 15–19] совершенно по-особому звучат в контексте налогового права, которое, к сожалению, слишком часто шаблонно воспринимается как полностью «рукотворное», зависящее исключительно от воли законодателя.

Источниками норм налогового права автор признает законодательство о налогах и сборах, акты подзаконного нормотворчества, акты казуального толкования властными субъектами налогового законодательства (например, официальные разъяснения Минфина РФ), источники международного налогового права (в том числе договорные), правовые обычаи, акты судебного налогового права [6, с. 36–59]. Говоря о нетипичных для данной отрасли источниках, исследователь проводит не столько нормативный, сколько функциональный анализ проблемы, стремясь на основе обширных материалов судебной практики раскрыть фактическое положение дел, показать, чем *на самом деле* регулируются налоговые правоотношения. Появление некоторых источников связывается с общей тенденцией *децентрализации правовой регламентации*, которая находит свое развитие и в налоговом праве. В итоге «принцип определенности налогообложения должен сохраниться, но средства его обеспечения парадигмально меняются. Наблюдается переход от детальной законодательной регламентации к более “гибкому” налоговому праву, где акценты в установлении содержания налогово-правовых норм постепенно смещаются от законодателя на уровень правоприменения» [там же, с. 51].

Обращаясь к основному предмету исследования, автор проводит тщательную ревизию существующих в общей теории права подходов к категориям «норма права» и «нормативно-правовое предписание», «основные» и «специализированные нормы», понятиям «правило», «веление», «установление» и др. Не всегда выбор в отношении предпочитаемой им позиции представляется нам оптимальным,

однако нельзя и упрекнуть его в незнании либо игнорировании той или иной точки зрения.

К сожалению, попытка сказать собственное слово в дискуссии о понятии нормы права неизбежно приводит к умножению сущностей. Так, говоря о поиске родового понятия, охватывающего все предписания действующего законодательства, автор вместо уже существующих в науке терминов «веление», «установление», «предписание» предлагает использовать категорию «нормативное положение», аргументируя это тем, что последняя «обладает необходимой нейтральностью и, кроме того, указывает на устойчивую связь правовой нормы и определенной структурной единицы текста источника права» [6, с. 19].

Суть наших возражений в данном случае состоит даже не в том, что преимущества слова «положение» по отношению к упомянутым выше аналогам довольно сомнительны (оно представляется нам слишком аморфным для употребления в качестве термина). Основная проблема видится в другом. Когда в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в. А.В. Мицкевич ввел термин «предписание», а С.С. Алексеев стал говорить о «логической норме», теоретико-правовая наука находилась перед совершенно конкретной задачей: традиционной категории «норма права» оказалось явно недостаточно для того, чтобы охватить существующие правовые явления, учитывая разницу, с одной стороны, между правилом поведения и его отражением в тексте закона и, с другой стороны, между правилами и обеспечивающими их действенность вспомогательными установлениями. *Разные* по своей природе явления назывались *одним и тем же термином* – «норма». Расширение категориального аппарата науки в этой ситуации было не только оправданно, но и необходимо. Предложенные впоследствии варианты такого расширения (норма и предписание, основные и специализированные нормы, типичные и нетипичные предписания, основные и вспомогательные предписания и т. п.) были удачны в большей или меньшей степени, но, главное, укладывались в общую логику поиска *недостающего* термина.

На сегодняшний день недостатка в терминах нет. Одни и те же явления, как показано в рецензируемой книге, уже имеют по не-

сколько названий. Желание каждого нового исследователя «навести в них порядок» и все назвать по-своему – не лучший путь. Гораздо продуктивнее остановиться на одном из существующих наименований и *изучать новые явления* вместо того, чтобы *переименовывать старые*.

Фактически к тому же приходит и сам автор, почти не используя в дальнейшем предложенный термин либо обязательно уточняя его значение. Например, в тексте употребляется понятие «норма-предписание», а в скобках приводятся термины «нормативное положение», «нормативно-правовое предписание» [6, с. 91, 92 и др.].

Сложно, оказывается, сказать новое слово и в вопросе об обязательном наборе элементов правовой нормы и их характеристике. Все возможные подходы здесь давно уже апробированы, и остается лишь предлагать свои аргументы, более или менее убедительные, в целях их защиты или опровержения. Проблема только в том, что и ответы на большинство доводов у отечественной догмы права давно заготовлены.

Приведем лишь один пример. Обосновывая идею о факультативном значении гипотезы, автор указывает на наличие предписаний, якобы носящих абсолютный характер и не нуждающихся поэтому в данном структурном элементе. Однако, во-первых, каким бы абсолютным ни было веление, оно всегда допускает исключения. К примеру, приводимый исследователем абсолютный уголовно-правовой запрет на убийство каким-то образом совмещается в законодательстве с существованием смертной казни, а также с нормами, регулирующими вопросы войны и мира. Следовательно, и конкретизация условий действия, хотя бы самых общих, применительно к рассматриваемым правилам необходима. Во-вторых, сам ученый замечает: «Вряд ли нужно подвергать сомнению тот факт, что при анализе любой правовой нормы необходимо всегда иметь в виду ее адресатов» [там же, с. 89]. И здесь же: «Представляется, что *адресаты предписаний*, не являясь самостоятельными элементами правовой нормы, участвуют в формировании отдельных элементов налогово-правовых норм, *чаще всего гипотезы* (курсив наш. – М. Д.)» [там же]. Но ведь

если у любой нормы есть субъект (адресат), а указание на него является частью гипотезы, значит, и гипотеза есть у любой нормы. На что и указывали исследователи еще 30 лет назад [1, с. 99; 9, с. 42].

Думается, гипотеза действительно есть у любого нормативного предписания. Различной может быть *степень ее абстрактности*, и именно она обуславливает степень определенности правила (либо его *неопределенности*, которой так много внимания уделяет сам автор; см.: [5]).

Рассмотрев весь спектр мнений по проблеме структуры правовой нормы и ее положения в системе правовых категорий, автор склоняется к позиции тех исследователей, которые признают норму начальным элементом системы законодательства, определяя *норму налогового права* как минимально цельное, обладающее логической и смысловой завершенностью положение, непосредственно выраженное в обособленном фрагменте источника налогового права, которое в системной связи с иными правовыми нормами способно выполнять функцию правового регулирования налоговых отношений [6, с. 97]. Норма (в нашей терминологии – «нормативно-правовое предписание») грамматически выражается в отдельном предложении или (реже) его части [там же, с. 94] и имеет преимущественно двухэлементную структуру.

Явление, именуемое традиционно в отечественной юридической науке *правовой нормой* (*логической нормой* – в терминологии С.С. Алексеева), А.В. Демин предлагает называть *нормативно-логической конструкцией*, утверждая при этом, что «концепция логической нормы ввиду ее эклектичности “разрушает” отраслевое построение системы права (отрасль – институт – норма), поскольку имеет место парадоксальная ситуация: разные элементы одной и той же нормы подчиняются различному отраслевому режиму, что недопустимо с точки зрения отраслевой сегментации права» [там же, с. 86].

Фактически же дискуссия опять остается на уровне терминологии. Никто не спорит с тем, что существуют два различных по своей природе правовых явления: *с одной стороны*, отдельное предложение из текста нормативного акта, содержащее в себе властное

веление, которое явно претендует на роль начального элемента системы законодательства; с другой стороны, мысленно сконструированная из нескольких таких велений идеальная модель, тяготеющая к логике строения системы права. Если в середине XX в. оба они обозначались одним и тем же термином «норма», то сейчас всем давно уже ясно, что явления эти совершенно различны. Несмотря на аргументы, приводимые обеими сторонами (подчас вполне разумные), и на рецидивирующие попытки «перетянуть» слово «норма» на ту или другую сторону, стоит признать, что *традиция ассоциировать норму с системой права и с трехэлементной внутренней структурой в отечественной юриспруденции непобедима.*

Не занимая время бесчисленными цитатами классиков¹, приведем лишь один пример из новейших публикаций. В.Ю. Туранин, рассуждая о *законодательных жаргонизмах* как о словах и выражениях, засоряющих язык нормативных актов, приводит в качестве примера выражение «*нормы законодательства*», обосновывая это тем, что, *как всем известно*, норма – это начальный компонент права, а законодательство состоит из нормативно-правовых актов, их статей и содержащихся в них нормативных предписаний. Следовательно, нужно говорить «*нормы права*» или «*предписания законодательства*» [8]. И хотя понятие «жаргонизм», по нашему мнению, сюда не очень подходит (подробнее об этом см.: [4]), убежденность автора в *неграмотном использовании классических категорий теории права* является в данном случае довольно показательной.

Естественно, попытка ревизии традиционных подходов в работе А.В. Демина не является праздным изобретательством. Автор пытается таким образом решить теоретическую проблему, стоящую перед налоговым правом, «где в доктрине и в законодательстве... преобладает позиция об *отраслевой замкнутости*, т. е. недопустимости включения налогово-правовых норм в комплексные нормативные акты» [6, с. 86]. Смириться с тем, что структурные части налогово-правовой нормы могут содержаться в нескольких актах, в том числе разной отраслевой принадлежности (например, гипотеза и диспозиция – в НК РФ, а

санкция – в УК), в контексте отраслевой замкнутости довольно сложно. Но значит ли это, что в угоду теории налогового права нужно пересмотреть базовые общетеоретические положения? Ведь добиться абсолютной отраслевой чистоты, как констатирует сам исследователь, «... в современной законодательной практике малореально...» [6, с. 86]. Не правильнее ли в этом случае отраслевой науке признать, что в развитой системе права любая отрасль может претендовать лишь на *относительную* замкнутость, потому что межотраслевые системные связи со временем лишь усложняются, становятся прочнее и многообразнее. И связи эти проявляют себя на всех уровнях системы, начиная с ее минимального элемента – нормы.

Определившись со структурной организацией налогово-правовых норм, автор обращается к их классификации. Налоговое право предоставляет благодатную почву для исследования всевозможных нетипичных форм изложения правовых велений: перечней, таблиц, формул и т. п. Оно богато и на примеры, иллюстрирующие традиционные классификации правовых норм: регулятивных и охранительных, императивных и диспозитивных, материальных и процессуальных (стремясь охватить все многообразие процедур налогового права, автор использует широкое общетеоретическое понятие юридического процесса как совокупности всех форм и видов деятельности властных субъектов в соответствующей сфере [там же, с. 236]. Отдельному рассмотрению в работе подвергаются и такие виды предписаний (или *норм* – в терминологии автора), как нормативные дефиниции, принципы, отсылочные, бланкетные, оперативные, коллизионные предписания. Предлагаются и новые разновидности, например *нормы-констатации*, указывающие на некоторый факт, систему фактов, определенный и должный порядок вещей [там же, с. 160] (по нашему мнению, довольно близкие к правовым декларациям, существование которых исследователь также признает [там же, с. 158]).

Характеристика классификаций налогово-правовых норм не ограничивается в книге подбором удачных примеров (хотя все они, безусловно, наглядны и демонстрируют значительный научный кругозор автора). В ра-

боте исследуются и закономерные связи между различными видами норм. Например, раскрывается логика построения *устойчивых «цепочек» прав – обязанностей – запретов* одного и того же лица, когда определенная обязанность подкреплена возможностью использовать некоторое субъективное право, для реализации которого, в свою очередь, необходимо надлежаче исполнить другие обязанности, соблюсти запреты и т. д. [6, с. 148–149]. Думается, не случайно эта связь становится предметом исследования именно с позиции отраслевой науки (в отличие от традиционно изучаемой теоретиками корреспонденции права и обязанности). Для того чтобы выявить взаимозависимость между несколькими нормами, необходимо иметь целостное представление о правовом институте, частью которого они являются, то есть оперировать *содержанием* правовых велений, а не их *формой* или *структурой*. Теоретики же, к сожалению, слишком часто ограничиваются структурным анализом нормативных велений, не углубляясь в содержание отраслевого материала.

Две из четырех глав работы посвящены характеристике всего многообразия правовых велений, составляющих материю налогового права. И именно эта часть монографии, органично увязывающая сухие теоретические положения с огромным объемом нормативного материала, наводит на мысль о значении данной работы для общей теории права.

Вероятнее всего, революцию в теории права отраслевикам не произвести. И даже не потому, что попытки пошатнуть догму в юриспруденции почти всегда обречены на неудачу, просто с большой долей вероятности можно предположить, что весь спектр возможных позиций в решении основополагающих теоретических проблем (к каковым относится и проблема нормы права) в той или иной форме уже нашел отражение в трудах теоретиков. Другой вопрос: а нужна ли эта революция? Полагаем, значение работ, подобных рецензируемой книге, для общей теории права состоит в другом. Они позволяют от глобальных вопросов перейти к деталям, посмотреть, как работают (или не работают) теоретические построения на практике, выявить те связи и отношения, которые незаметны при взгляде «извне».

И еще один момент, обуславливающий общетеоретическое значение данной работы. Наполнение устоявшихся, часто догматизированных теоретических конструкций живым нормативным материалом конкретной отрасли права дает возможность продемонстрировать их пригодность к реальной жизни, их *НЕ*абстрактность, *НЕ*оторванность от практически значимых правовых отношений, явлений, институтов. Подобные исследования наглядно и убедительно доказывают, что то, о чем говорят теоретики, на самом деле существует!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Суть дискуссии и научный потенциал каждой из существующих позиций подробнейшим образом были проанализированы нами ранее. См.: [2; 3].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, С. С. Структура советского права / С. С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1975. – 264 с.
2. Давыдова, М. Л. Нормативно-правовое предписание: природа, типология, технико-юридическое оформление : монография / М. Л. Давыдова. – СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс», 2009. – 216 с.
3. Давыдова, М. Л. О юридической природе нормативно-правовых предписаний: основные научные концепции / М. Л. Давыдова // Журнал российского права. – 2003. – № 10. – С. 75–84.
4. Давыдова, М. Л. Профессиональный юридический жаргон: проблема определения границ понятия / М. Л. Давыдова, Н. Ю. Филимонова // Интернет-конференция «Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридико-лингвистическая герменевтика». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.konference.siberia-expert.com/publ/konferencija_2012/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/professionalnyj_juridicheski_j_zhargon_problema_opredelenija_granic_ponjatija/5-1-0-111. – Загл. с экрана.
5. Демин, А. В. Неопределенность в налоговом праве и правовые средства ее преодоления : монография / А. В. Демин. – М. : РИОР : ИНФРА-М, 2013. – 246 с. – (Научная мысль).
6. Демин, А. В. Общая теория налогового-правовых норм : монография / А. В. Демин. – М. : РИОР : ИНФРА-М, 2012. – 266 с. – (Научная мысль).

7. Лукашева, Е. А. Право, мораль, личность / Е. А. Лукашева ; отв. ред. В. М. Чиквадзе. – М. : Наука, 1986. – 263 с.

8. Туранин, В. Ю. Юридический жаргон: понятие, примеры, оценка / В. Ю. Туранин // Интернет-конференция «Право как дискурс, текст и сло-

во», 2010. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.konference.siberia-expert.com/2-1-0-15>. – Загл. с экрана.

9. Чернобель, Г. Т. Структура норм права и механизм их действия : (логические аспекты) / Г. Т. Чернобель // Правоведение. – 1983. – № 6. – С. 40–47.

М.Л. Давыдова